

18+

Артуро Сорокин

2хуз: Богом быть легко

Мемуары неотразимого
графа Верхнего Предела

Артуро Сорокин

**2хуз: Богом быть легко.
Мемуары неотразимого
графа Верхнего Предела**

«Издательские решения»

Сорокин А.

2хуз: Богом быть легко. Мемуары неотразимого графа Верхнего Предела / А. Сорокин — «Издательские решения»,

Артур Порокин — космический повеса, нарцисс и эстет, однажды заключил пари со своим другом на бутылку абсента, что сможет привести феодальную планету карликов к атомной промышленности за 10 лет. В этом ему помогут не блестящие знания физики, а помощь его слуги-ИскИна по имени Клеврет и личное обаяние.Примечание: совпадение имени главного героя с именем автора случайно. Высказывания героя не являются мыслями автора.

© Сорокин А.

© Издательские решения

Содержание

Глава первая. Пари, которое невозможно было не выиграть	6
Глава вторая. Язык, мера и обед из трёх глотков	16
Глава третья. Акции как пропуск к креветкам	28
Конец ознакомительного фрагмента.	33

2хуз: Богом быть легко Мемуары неотразимого графа Верхнего Предела

Артуро Сорокин

© Артуро Сорокин, 2026

ISBN 978-5-0071-1584-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая. Пари, которое невозможно было не выиграть

Если бы люди умели правильно проигрывать, человечество давно бы избавилось от половины своих несчастий, а я — от необходимости писать эти записки.

Но, поскольку мой друг Эраст Ромуальдович, человек в прочих отношениях неглупый, продолжает называть исход нашего предприятия «поражением», «бегством», «полным крахом» и, в минуты особенно неприятной трезвости, «мошенничеством межпланетного масштаба», я вынужден восстановить события в их естественном порядке, то есть в том виде, в каком они происходили вокруг меня и, следовательно, вокруг самой оси тогдашней истории.

Десять лет минуло с того вечера. Теперь мне сорок восемь. Возраст, прямо скажем, неудобный лишь для людей, которые к нему успели испортиться. Я же, к счастью, принадлежу к числу тех редких мужчин, у которых годы не отнимают красоту, а лишь снабжают её пояснительной запиской. В зеркале я поныне вижу лицо свежее, спокойное, с правильным профилем и тем выражением благородной усталости, которое у большинства приобретается только после позирования хорошему портретисту. Да, десять лет назад я был моложе и, не побоюсь исторической точности, красивее; но это обстоятельство не должно служить упрёком нынешнему мне, как рассвет не упрекает полдень в том, что тот ярче.

В тот год я находился в расцвете сил, вкуса и внутренней подготовленности к великому делу. Завистники мои любят подчёркивать, что до этого великого дела я не построил ни моста, ни двигателя, ни даже садовой беседки. Это правда лишь в узком плотницком смысле. Я давно строил более сложные вещи: разговоры, связи, намерения, репутации, направления общественного внимания. Камень может положить всякий каменщик; но кто положит эпоху?

Эраст, разумеется, этого не понимал. Он вообще был человеком математического склада, а потому склонен был принимать числа за аргументы. В тот вечер мы сидели в моём малом кабинете, где всё было устроено так, чтобы ум чувствовал себя богаче, чем обычно: тёмное дерево, бронзовый глобус без практической надобности, несколько старинных приборов, которыми я пользовался главным образом для оживления беседы, и на столике — бутылка абсента из досинтетической эпохи.

Синтезатор мог воспроизвести абсент с точностью до случайной примеси в меди перегонного куба. Но воспроизвести прежнюю бутылку он не мог. В ней ценился не вкус, а тот факт, что она уже однажды произошла. Настоящий абсент, густой, прозрачный, с тем глубоким изумрудным оттенком, который бывает у порочных камней и у глаз женщин, способных испортить жизнь талантливому человеку. Бутылка происходила из частного собрания некоего барона, умершего вовремя, то есть до распродажи подделок. Эраст давно на неё зарился. Я замечал это с приятным отеческим сожалением.

Мы выпили уже достаточно, чтобы говорить правду, но ещё недостаточно, чтобы её понимать.

— Галактический совет не санкционирует вмешательство в естественный ход развития детской цивилизации, — сказал он тогда, постукивая пальцами по подлокотнику.

— А мы не будем выводить их за пределы орбиты, — парировал я, разглядывая карту системы. — Мы подведём их к одному из фильтров — порогу ядра. Это ускорит их металлургию на пару тысячелетий, но формально... это, по сути, шашлыки в лесу: запрещено, но, если тебя не поймал лесник, можно считать, что ничего и не было. Мы просто дадим гравитации сделать свою работу.

Эраст поморщился так, словно я предложил ему разбавить абсент водопроводной водой.

— Артур, — сказал Эраст, вертя бокал и глядя на меня с той фамильярной нежностью, которую старые друзья позволяют себе вместо уважения, — ты замечательно рассуждаешь о цивилизации. Но ты ведь не смог бы цивилизовать даже дачный посёлок.

Я улыбнулся. Когда человек говорит глупость, самое великодушное — дать ей немного пожить.

— Дачный посёлок, милый мой, — ответил я, — невозможно цивилизовать именно потому, что он уже считает себя цивилизацией. Ему недостаёт не дорог, не санитарии, не финансовой системы, а способности благодарить.

— Прекрасно, — сказал Эраст. — Тогда возьми народ, который ещё не успел испортиться благодарностью. Найди какую-нибудь планету с феодалами, печами, суевериями и грязью. И устрой им прогресс.

— Бросьте, Эраст, для меня не составило труда и вывести цивилизацию на орбитальный уровень, но есть у меня слабость... я чту Галактический кодекс! — парировал я, разглядывая карту системы. — Поэтому остановимся на уровне мирного атома.

Передо мной разом открылась вся будущая картина: народ, измученный тяжестью веков; я, спускающийся к ним с факелом знания; мосты, больницы, академии, просвещённые министры, аккуратные балансы, детские хоры у подножия моей статуи; и где-то на почтительном расстоянии — Эраст, подписывающий расписку о передаче абсента законному победителю.

— Срок? — спросил я.

— Десять лет.

— Смешно.

— Пять?

— Не будем унижать историю спешкой. Десять.

Он прищурился.

— И условие: к концу срока там должна существовать атомная промышленность.

— Дорогой мой, — сказал я, — промышленность существует не тогда, когда дымит труба. Это вульгарный взгляд. Промышленность начинается с общественной потребности, организационной формы, бюджета, кадрового воображения и официального названия.

— Нет, — сказал Эраст. — Реактор.

— Не будем вносить в дружескую беседу техническую мелочность.

— Рабочий энергетический объект.

— Эраст, ты говоришь как человек, который никогда не управлял ничем крупнее собственной икоты.

Он засмеялся и протянул руку. Я пожал её. Так было заключено пари, которое невозможно было не выиграть.

Здесь завистливый читатель, вероятно, спросит: почему я принял вызов, не будучи инженером-атомщиком? Отвечу со всей прямоотой: именно поэтому. Узкий специалист немедленно начал бы перечислять препятствия — сырьё, металлургию, точность измерений, подготовку кадров, химическую промышленность, цепные реакции и прочие мелкие термины, которыми ремесленники испокон веков защищают свою монополию на очевидное. Человек государственного воображения видит не препятствия, а последовательность их административного преодоления.

Перед отбытием Эраст, всё ещё цепляясь за свои числа, попросил меня объяснить хотя бы принцип паровой машины.

— С удовольствием, — сказал я. — Пар расширяется, человек направляет, колесо вращается, общество меняется.

— А поршень?

— Деталь.

— Конденсатор?

- Частность.
- Давление?
- Образ эпохи.

Эраст закрыл лицо рукой. Я принял это за начало раскаяния.

Меня признавали способным, блестящим, оригинальным, иногда даже опасным — последнее обыкновенно произносилось людьми, для которых опасность начиналась там, где заканчивалась инструкция. Но никто не произносил того единственного слова, которое я давно уже считал не комплиментом, а простой хозяйственной меткой на двери: «великий». Впрочем, у меня был Клеврет.

Клеврет сопровождал меня почти всю жизнь, если под жизнью понимать сознательную её часть, то есть ту, где человек уже способен отличить дворец от казённого коридора и потребовать, чтобы в коридоре постелили ковёр. Формально он был цифровым ассистентом, заключённым в табакерку старинной работы. Но я всегда считал слово «ассистент» проявлением демократического упадка. Если устройство исполняет поручения, запоминает встречи, подсказывает, льстит, оберегает от скучных сведений и в нужную минуту открывает перед тобою меню, — то это, господа, не ассистент. Это слуга.

Табакерка Клеврета представляла собой вещь редкостно изящную: тёмный металл, эмаль глубокого синего цвета, крышка с моим монограммным вензелем, который я заказал заранее, не дожидаясь официальных поводов. Надо быть готовым к будущему. Люди, ожидающие титула, чтобы завести герб, никогда титула не заслуживают.

В те годы, о которых я повествую, Клеврет уже позволял себе серебряные пуговицы и тонкую золотую кайму по обшлагам. Это, как я полагал, соответствовало моему тогдашнему общественному значению: титула ещё не было, но его отсутствие выглядело всё менее убедительным.

— Клеврет, — говорил я иной раз, стоя перед зеркалом, — каков общий вид?

Проекция склонялась в поклоне.

— Ваше Превосходительство, общий вид производит впечатление человека, которому тесны существующие формы признания.

— Слабовато.

— Ваше Сиятельство, — немедленно исправлялся он, хотя сиятельством я тогда ещё не был, — общий вид свидетельствует о редком случае, когда природа, общество и история совместно ожидают распоряжений.

Вот это был уже деловой ответ.

Средство путешествия, как и многие великие вещи нашего времени, было устроено без вкуса, но с эффективностью. За неприличную сумму мне предоставили право на одиночный перенос к одной из наблюдаемых планет с гуманоидной цивилизацией доиндустриального уровня. Выбор мира, разумеется, оставался за мной.

Каталоги предлагали несколько вариантов. Я отбросил планеты с чрезмерной жарой, чрезмерной влажностью, чрезмерной политической раздробленностью и чрезмерно крупными хищниками. Героизм, если он желает быть полезным, должен уметь выбирать место приложения. Наконец моё внимание привлекла Офира-3, в местном наречии — Твердь.

Население по архивам Совета классифицировалось, как гуманоидная форма 0—14 — по-нашему это означает люди, такие же как мы, только с другой планеты. Не сапиенсы, но и не чужие. Средний рост этого человека около ста тридцати сантиметров.

Я сразу понял: карлики. Не в обидном, конечно, смысле. Не каждого природа наградила ростом в один метр девяносто сантиметров в сочетании со статным телосложением, как у вашего покорного слуги. Но согласитесь, явиться преобразователем к существам ростом с младшего школьника — это не просто историческая удача, это почти режиссура.

— Их следует называть местными людьми, — сказал мне консультант переносной службы.

— При них — несомненно, — ответил я.

К экспедиции я готовился тщательно. Взял несколько комплектов одежды, медицинские концентраты, образцы инструментов, книги в памяти, украшения для дипломатических подарков, набор универсальных вакцин, портативный синтезатор для мелких предметов, три флакона одеколона, без которого цивилизатор быстро начинает походить на географа, и, непременно, Клеврета.

Перенос состоялся на рассвете. Я предпочёл бы полдень: в полдень лучше ложатся тени, а лицо сохраняет архитектурность. Но технический персонал уверял, что окно траектории не считается с портретными соображениями. Это, кстати, одна из причин, почему техников редко приглашают в гости дважды.

Я стоял на платформе в тёмном дорожном костюме, достаточно практичном, чтобы внушать доверие, и достаточно дорогом, чтобы не вызывать сомнений. Эраст пришёл проводить меня. В руках у него была та самая бутылка абсента.

— Напоследок покажу, что поставлено на кон, — сказал он.

— На кон, друг мой, поставлена не бутылка, а проверка человеческого масштаба.

— Именно поэтому я и принёс бутылку. Масштаб масштабом, а пить хочется.

Он обнял меня. В его глазах я увидел тревогу. Люди часто тревожатся, когда рядом с ними начинается история: их мучает предчувствие собственной второстепенности.

— Артур, — сказал он уже тише, — если окажется трудно, возвращайся.

— Эраст, — ответил я, — трудно окажется им. Мне же предстоит быть необходимым.

Перенос не похож на путешествие. У путешествия есть благородные признаки: вокзалы, каюты, запах кожи, смена пейзажа, возможность переодеться к ужину. Здесь же мир попросту лишился такта. Свет стал плоским, звук исчез, затем всё вокруг будто сложили в несколько раз и вновь расправили.

Я оказался на каменной площадке у склона холма.

Первым ощущением была тяжесть. Не метафорическая, хотя метафорическая, разумеется, тоже присутствовала. Физическая. Воздух стоял плотный, упругий, как дорогая портьера. Грудь моя расширилась с некоторым недоумением. Колени сообщили мне, что планета относится к гостям без должной предупредительности.

— Клеврет, — сказал я, стараясь, чтобы дыхание не звучало как спор с природой, — параметры?

Табакерка раскрылась в моей ладони. Миниатюрный камердинер возник чуть помехами, затем отчётливо.

— Гравитация приблизительно на двадцать семь процентов выше земной. Атмосфера плотнее, содержание кислорода в допустимых пределах. Рекомендую первые часы избегать быстрых движений, подъёма тяжестей и излишнего героизма в форме перемещения по склонам.

— Я не задыхаюсь?

— Ни в коем случае, Ваше Сиятельство. Вы демонстрируете окружающим, насколько тяжело великому человеку нести бремя собственного масштаба.

Я кивнул. Хороший слуга умеет отделить физиологию от смысла.

Внизу лежала долина, широкая и зелёная, прорезанная дорогами, каналами и низкими каменными стенами. Вдали виднелся город: не башенный, как я ожидал от всякой уважающей себя древности, а широкий, ступенчатый, с куполами, террасами, тяжёлыми крышами и мостами такой основательности, что по ним, казалось, могли бы ходить не люди, а уверенные в себе горы.

— Довольно мило, — сказал я. — Хотя явно не хватает вертикального устремления.

— Местная архитектура, вероятно, адаптирована к повышенной гравитации и сейсмической нагрузке.

— Клеврет, оставь технические оправдания. Народ, который не строит вверх, нуждается в идеале.

— Записать как предварительный тезис для первой речи?

— Разумеется.

Мы спустились к дороге. Это далось мне с достоинством, хотя склон проявлял недопустимую настойчивость. Минут через десять я увидел первых жителей Тверди.

Их было трое: мужчина с тележкой, женщина в сером плаще и мальчик, несший связку медных трубок. Все трое остановились.

Я тоже остановился, давая им время пережить явление.

Надо сказать, местные действительно были невелики, но вовсе не хрупки. Напротив: широкие плечи, крепкие шеи, уверенные руки, лица спокойные и внимательные. Они смотрели на меня не как дикари на чудо, а как хозяева на предмет, который не был внесён в опись.

Это было немного не по программе.

— Клеврет, — тихо сказал я, — перевод.

— Фонетическая адаптация начата. Рекомендую не раскрывать взвешенное происхождение. При текущем культурном уровне более продуктивна мифологическая рамка.

— Какая именно?

— Великан из подземелья. Инженер, поднявшийся на свет божий, чтобы принести прогресс.

— Почему из подземелья, а не, к примеру, с небес?

— В местной традиции подземные области связаны с древними мастерами, металлом, огнём, скрытым знанием и существами не вполне соразмерными обычным людям. Небесное происхождение вызовет компетенцию церкви, а подземное — компетенцию горного ведомства, что административно предпочтительнее.

Я был тронут. Клеврет мыслил не только широко, но и практически.

— А моё имя?

— Артур Порокин может быть сохранено. Однако обращение «Ваше Сиятельство» уже прозвучало в моих протоколах. Местные могут принять его за часть титулатуры.

— Пусть привыкают.

Мужчина с тележкой что-то сказал. Клеврет еле заметно повернул голову.

— Он спрашивает, не нужна ли вам помощь. Также интересуется, не больны ли вы растяжением.

— Растяжением?

— Вероятно, из-за вашего роста.

Я сделал шаг вперёд. Все трое немного отступили, но не побежали. Это свидетельствовало о храбрости или о недостатке воображения.

— Люди Тверди, — сказал я, и Клеврет мягко повторил мои слова на их языке, — не бойтесь. Я поднялся из глубин, где огонь учит металл покорности, а тьма хранит чертежи будущего.

Мужчина нахмурился. Женщина посмотрела на мои сапоги. Мальчик — на табакерку.

— Я инженер, — продолжал я. — Я пришёл принести вам дороги, культуру, здравоохранение, науку, финансовую систему и, в надлежащей последовательности, атомную промышленность.

После перевода наступило молчание.

— Он спрашивает, — сказал Клеврет, — не потеряли ли вы дорогу к какому-либо конкретному руднику.

— Они ещё не готовы к перечню благ. Сократи.

Клеврет поклонился.

— Великий подземный мастер желает быть представлен властям, чтобы обсудить пользу для дорог, лечения и казны.

Это подействовало. Женщина сказала что-то короткое.

— Она говорит, что дорога до города одна, потеряться трудно, а если вы действительно мастер, вам следует обратиться к надзирателю западных водоспусков. Если же вы святой, юродивый или должник, то это разные учреждения.

Я понял: народ практический. Такой материал хорош. Из глины, которая слишком легко принимает форму, выходят лишь дешёвые статуэтки.

Нас повели в город. Путь занял часа два, хотя при нормальной силе тяжести и нормальном отношении дороги к длине человеческого шага я управился бы быстрее. Местные передвижались удивительно легко. Я же сохранял величавую неторопливость. Иногда приходилось останавливаться, чтобы обозреть пейзаж. Клеврет каждый раз объявлял это «осмотром инфракрасного потенциала».

У городских ворот собралось уже человек пятьдесят. Новости на Тверди, как я вскоре заметил, распространялись с такой скоростью, будто их катили по наклонной плоскости. Все смотрели на меня снизу вверх, что было естественно и в каком-то смысле педагогично. Один старик, облачённый в короткий плащ с медными застёжками, вышел вперёд.

— Имя и ноша? — спросил он.

Клеврет перевёл.

— Что значит ноша?

— Вежливый вопрос о вашей обязанности, происхождении и общественной функции.

— Скажи: Артур Порокин. Ноша — будущее.

Клеврет перевёл.

Старик долго думал. Потом сказал:

— Слишком лёгкий ответ для такой длинной спины.

Толпа зашумела. Я не стал уточнять. У всякого народа есть пословицы, и большинство из них мешает делу.

Старика звали Грамм Дольний, он оказался не привратником, как можно было заключить по плащу, а младшим смотрителем городских водоспусков. Здесь вообще люди часто выглядели скромнее своих обязанностей, что поначалу затрудняло правильную расстановку почтения. Он отвёл меня не во дворец, а в помещение при воротах, где стояли столы, карты, модели каналов и несколько очень серьёзных маленьких людей.

Именно там произошло первое недоразумение, впоследствии ошибочно названное моим первым успехом. Недоразумение состояло не в том, что успех был не мой, а в том, что присутствующие не сразу поняли его масштаб.

Они обсуждали затопление нижней штольни. Вода, как я понял из объяснений Клеврета, прибывала быстрее, чем её могли отвести насосы. Местные мастера спорили о клапанах, уклоне, креплениях и прочей внутренней кухне практиков. Меня попросили высказать мнение.

Я посмотрел на карту.

Карта была, кстати, исполнена отлично. Не художественно, но честно. А честность в чертеже иногда заменяет талант, хотя редко украшает стену.

— Господа, — сказал я, — вы боретесь с водой как с врагом. Это ошибка. Стихия побеждается не сопротивлением, а назначением. Дайте воде должность.

Клеврет перевёл. Мастера переглянулись.

— Вода ищет путь, — продолжал я. — Так создайте ей карьеру. Не откачивайте хаос. Организуйте направление.

Я признаю: формулировка была прекрасна. Даже теперь, когда я перечитываю эти строки, мне хочется встать и кому-нибудь её повторить.

Один молодой мастер, рыжеватый, с широкими ладонями и неприятно ясным взглядом, вдруг наклонился над картой.

— Если пустить часть потока в старую печную галерею, — сказал он, — давление спадёт. Но тогда надо переставить нижний клапан и связать две шахты не трубой, а открытым лотком.

Остальные заговорили сразу. Появились палочки, верёвки, числа. Я отошёл к окну, чтобы не мешать людям осуществлять мою мысль на их языке.

Через несколько часов пришло известие: уровень воды начал падать.

Грамм Дольний поклонился мне, не слишком глубоко, но достаточно для начала.

— Ваш совет оказался тяжёлым, — сказал он.

— В хорошем смысле? — тихо спросил я Клеврета.

— В высшей степени. Он имеет в виду, что совет способен нести последствия.

Я принял благодарность с умеренностью. Великому человеку не следует радоваться слишком явно первому же подтверждению своей великости; это обижает судьбу, которая приготовила подтверждений множество.

— Видите, — сказал я Клеврету, когда нас наконец повели во дворец, — принцип промышленного водоотведения передан.

— Несомненно, Ваше Сиятельство. Местный мастер весьма восприимчив к вашим концептуальным импульсам.

— Как его зовут?

— Гуль. Мастер Гуль Водомер.

Я запомнил имя. Я всегда запоминал имена полезных людей. Это одно из свойств, по которым прирождённого руководителя отличают от человека, просто занимающего высокое кресло.

Дворец Королевства Семи Опор не соответствовал моим ожиданиям и тем самым уже нуждался в реформе. Никакой достаточной высоты, никакого парадного подавления, никаких лестниц, на которых посол успевает осознать ничтожество своей державы. Широкие террасы, низкие залы, толстые колонны, гладкий камень, повсюду поручни. Всё надёжно, удобно и несколько морально.

Мне объяснили, что король Тирвен IV Ровный не любит излишнего возвышения.

— Типичная скромность малых дворов, — сказал я Клеврету.

— Или культурное неприятие физического доминирования, — ответил он.

Я посмотрел на него.

— Сократи пессимизм.

— Типичная скромность малых дворов, Ваше Сиятельство.

Вот почему я всегда ценил Клеврета: он обучался мгновенно.

В зал аудиенций я вошёл, слегка наклонив голову, поскольку притолока оказалась устроена без всякой веры в будущее. Кто-то из придворных ахнул. Я решил, что это впечатление от моего роста, хотя не исключая, что сыграла роль и притолока, оставившая на моей шляпе след.

Король сидел не на троне, а в широком кресле на уровне остальных. Маленький пожилой человек в неброской короне. Лицо спокойное, глаза внимательные, руки лежат на подлокотниках так, будто они не требуют от мира доказательств собственной власти.

Слева от него стояли сановники, справа — люди в поясах, вероятно рыцари или дорожные бухгалтеры, у дальней стены — несколько духовных лиц с символами отвеса. Все были малы, плотны и удивительно несуетливы. Их спокойствие я счёл хорошей дисциплиной. Позднее выяснилось, что это была привычка слушать до конца, местами переходящая в коварство.

— Подойдите, мастер из глубин, — сказал король.

Я подошёл. Клеврет на моей ладони поклонился так низко, что его парик почти вошёл в табакерку.

— Ваше Величество, — сказал я, — перед вами человек иного опыта, поднявшийся из областей огня и металла, чтобы предложить вашему королевству ускорение.

Клеврет перевёл. При слове «ускорение» несколько придворных обменялись взглядами. Народ Тверди, как я уже начал понимать, относился к скорости с тем подозрением, с каким у нас относятся к бесплатным советам.

— Куда вы предлагаете нам ускориться? — спросил король.

Хороший вопрос. Простой, но широкий. Я оценил.

— К самим себе, государь. Но в более совершенном виде. Представьте дороги, по которым товары идут без задержек. Больницы, где болезнь встречает не суеверие, а метод. Школы, где дарование не гибнет в темноте происхождения. Казну, где деньги не лежат, а работают. Науку, которая перестаёт быть занятием одиночек и становится учреждением. И наконец — энергию, заключённую в самой материи.

Последнюю фразу Клеврет произнёс с особенной торжественностью. В воздухе над табакеркой он даже вывел крошечную схему атома, украшенную лавровыми ветвями. Придворные подались вперёд. Один из духовных лиц перекрестился своим отвесом. Мастер Гуль, которого зачем-то тоже впустили, нахмурился не от восторга, а от желания задать вопрос. Я заранее решил на него не отвечать.

— Вы умеете делать всё это? — спросил король.

Тут требовалась тонкость. Правитель, даже маленький, не любит, когда его народ объявляют окончательно несостоявшимся.

— Я умею начинать то, что без меня не начнётся, — сказал я. — А это, государь, редчайшее из умений.

Король молчал. Очень долго. Вообще местные паузы были длиннее наших, вероятно из-за плотности воздуха. Я использовал это время, чтобы стоять красиво.

Наконец он сказал:

— Сегодня вы дали совет у водоспусков. Штольня спасена.

— Я рад, что первое зерно будущего упало на подготовленную почву.

— Мастер Гуль говорит, что вы не знали устройства наших насосов.

Гуль, стоявший у стены, поклонился. В этом поклоне не было враждебности. Что делало его ещё менее уместным.

— Великий принцип, — ответил я, — тем и отличается от ремесленного приёма, что не обязан знать каждую гайку, прежде чем изменить направление мысли.

Клеврет перевёл с лёгким усилением. Кажется, он добавил от себя что-то о «даровании высокого незнания», но общий смысл был верен.

Король посмотрел на Гуля. Тот сказал:

— Слова мастера из глубин были туманны. Но туман иногда показывает, где лежит низина.

Я решил принять это за комплимент. История часто начинается с неуклюжих форм признательности.

— Чего вы хотите? — спросил Тирвен.

Вот здесь, признаюсь, я едва не совершил ошибку и не сказал: «Абсент». Но величие отличается от аппетита способностью ждать.

— Возможности служить, — сказал я.

Клеврет поклонился.

— И, в разумных пределах, помещений, сотрудников, доступа к казне, печатного станка, нескольких мастерских, права учреждать комитеты и, желательно, кресла соответствующего размера.

Последний пункт, кажется, Клеврет добавил сам, проявив редкую заботу о материальном основании истории.

В зале прошёл лёгкий шум. Король поднял руку.

— Королевство Семи Опор не даёт ноши человеку, пока не знает, где его мера.

Я приготовился возразить на самую местную склонность к мере, но Тирвен продолжил:

— Однако иногда чужая странность полезна. Она заставляет своих людей говорить то, что они давно знали молча. Вы будете гостем короны. Вам дадут дом у Верхнего Предела, переводчиков, доступ к мастерам и право представить первый план пользы для дорог, лечения и казны. Не для атома.

Он произнёс последнее слово осторожно, как человек, пробуя новый орех.

— Атом, государь, — сказал я, — не терпит спешки. Он любит подготовленные умы.

— Вот и подготовьте что-нибудь, что можно проверить раньше, чем наши внуки составятся.

Придворные засмеялись. Негромко. Почтительно. Я тоже улыбнулся, показывая, что великому человеку не страшна шутка, если она исходит от монарха и не повторяется подданными.

— Как нам вас именовать? — спросил король.

Клеврет, опередив меня, произнёс на местном языке моё обычное обращение:

— Ваше Сиятельство.

В зале возникло замешательство.

— Вашеси Ятельство? — переспросил один из сановников.

— Нет, — сказал я.

— Да, — одновременно сказал Клеврет, но так тихо, что услышал, кажется, только я. — Фонетически устойчиво. Рекомендую временно не разрушать.

Король слегка улыбнулся.

— Пусть будет граф Верхнего Предела, если Палата Тяжестей не возразит. Земли там каменисты, ветры сильны, людей мало. Для будущего места достаточно.

Так я получил первый титул на Тверди.

Недоброжелатели впоследствии утверждали, будто Верхний Предел был никому не нужной окраиной, куда меня поместили, чтобы я не мешал более важным частям королевства. Какое мелкое толкование! Всякий настоящий преобразователь начинает с предела: только граница понимает движение. Центр, напротив, всегда занят сохранением мебели.

После аудиенции мне предложили сесть. Это было любезно, но преждевременно. Поданное кресло выглядело честным, крепким и совершенно не осведомлённым о моей антропометрии. Я опустился осторожно. Оно издало звук, похожий на краткую политическую оппозицию, и сложилось.

В зале стало тихо.

Я поднялся с тем достоинством, которое возможно лишь человеку, заранее готовому к сопротивлению материи.

— Первый конфликт земной антропометрии с местной мебельной традицией, — сказал я.

Клеврет немедленно перевёл:

— Его Сиятельство отмечает необходимость стандартизации мебели в рамках грядущих реформ.

Король посмотрел на обломки кресла.

— Начните с этого, граф.

Такова была мудрость Тирвена: он умел малое делать поручением, а большое — испытанием. Тогда я ещё не знал, насколько далеко простиралась эта его способность.

Вечером меня отвели в назначенный дом. Комнаты были низки, кровать коротка, стол удобен человеку, намеренному писать стоя на коленях. В окна входил плотный золотистый

воздух Тверди. Где-то в городе звонили колокола — глубокие, мягкие, удивительно длинные. Этот мир звучал так, будто каждая вещь имела внутри полость для голоса.

Я поставил Клеврета на подоконник. Он возник в ливрее, к которой уже добавились крошечные золотые галуны.

— Ну? — спросил я.

— Поздравляю, Ваше Сиятельство. За один день вы приобрели мифологический статус, доступ к короне, предварительную административную площадку, земельный титул, репутацию спасителя штольни и первый пункт мебельной программы.

— Атомная промышленность?

— Находится в фазе высокого понятийного зарождения.

— Срок десять лет.

— При достаточно широком понимании промышленности, Ваше Сиятельство, перспективы выглядят вдохновляюще.

Я подошёл к окну. Пришлось немного согнуться, но это даже помогало сосредоточению. Внизу, на улице, несколько местных мальчишек смотрели на мой силуэт и шептались. Один попытался выпрямиться во весь рост, подражая мне, и немедленно потерял равновесие. Остальные захохотали.

Я не рассердился. Дети всегда первыми чувствуют масштаб, хотя выражают это недостаточно академично.

В тот миг я понял: пари уже почти выиграно. Но тогда ночь была молода, я был молод, красив и необходим, а на далёкой Земле в тёмном кабинете ждала бутылка абсента, ещё не знавшая, как близко подошла к смене владельца.

Глава вторая. Язык, мера и обед из трёх глотков

Надо отдать справедливость твердчанам: народ этот, при всей своей исторической задержке, обладал некоторыми качествами, которые могли бы украсить даже более высокую цивилизацию, если бы такая цивилизация по какой-либо странной причине пожелала украсить чем-нибудь подземным, низкорослым и пахнущим влажным известняком.

Они были точны. Не в нашем, разумеется, смысле. Не в смысле секундомера, атомного стандарта, биржевого отчёта или налоговой декларации, составленной таким образом, чтобы государство почувствовало уважение, но ничего не получило. До всего этого Тверди предстояло ещё дорасти под моим наблюдением. Однако какая-то первичная, почти нравственная точность была в них изначально. Они мерили не только длину, вес, воду, камень, зерно, свечной воск и расстояние между двумя опорами моста. Они мерили слово, услугу, обещание, вину, благодарность, возраст, усталость, право сидеть ближе к огню и даже молчание.

Последнее особенно раздражало меня в первые недели, потому что твердчанин мог промолчать с таким выражением лица, что всякий воспитанный человек немедленно понимал: его только что взвесили, нашли лёгким и положили обратно.

Я, конечно, не мог допустить, чтобы меня взвешивали без моего согласия. Поэтому, едва устроившись в доме, который Его Величество милостиво предоставил мне в Верхнем Пределе, я решил заняться главным орудием всякого цивилизатора: языком. Граф должен уметь общаться с народом без посредников.

Я воспринимал выражение «цифровой слуга» буквально, как и полагается человеку, не склонному к дешёвым метафорам. Клеврет был цифровым и был слугой. Следовательно, он должен был вести себя как слуга: предупреждать мои желания, почтительно склоняться, смягчать грубость фактов, подавать сведения в приличной интонации и ни при каких обстоятельствах не забывать, кто в нашем предприятии является гением, а кто — удобным переносным инструментом гения.

Твердчан это, кажется, забавляло. Когда Клеврет впервые обратился ко мне при местных писцах словами:

— Если Его Сиятельству будет угодно снизойти к рассмотрению начальных звуковых несовершенств здешнего наречия...

писец уронил стило. Второй писец закашлялся в рукав. Третий, самый старый, внимательно посмотрел на Клеврета и сказал:

— У вашего малого человека большая спина.

Я счёл это похвалой конструкции.

Клеврет перевёл:

— Достопочтенный писец выражает восхищение моей преданностью, Ваше Сиятельство.

— Так и должно быть, — сказал я.

Старый писец склонил голову. Но глаза у него были такие, будто он отложил это наблюдение в какую-то внутреннюю книгу под заглавием «Высокий господин и его говорящий поклон».

Язык твердчан сначала не произвёл на меня устрашающего впечатления. Народ мал, живёт в камне, передвигается медленно, книги у них переплетаются в кожу так тяжело, словно каждую предполагается использовать также в качестве дверного упора. Естественно было ожидать, что и грамматика окажется компактной, приспособленной к потребностям недоразвитого, но трудолюбивого общества: принеси, отнеси, взвесь, не укради, поклонись, почини колесо, не стой под обвалом.

Я ошибся лишь в степени.

Глаголов движения у них было немного, что понятно: на Тверди пространство само внушало человеку умеренность. Коридоры сужались неожиданно, лестницы шли не вверх, а как бы

в сторону собственного намерения, арки нависали над моей головой с тем каменным упрямством, которое позднее я неоднократно называл архитектурным хамством. Зато глаголов несения у твердчан было, по моим подсчётам, не менее сорока семи, не считая областных и профессиональных оттенков: нести на себе; нести за другого; нести по праву; нести по ошибке; нести до первого огня; нести, зная вес; нести, не зная веса, но уже согласившись; нести так, чтобы другой мог идти рядом; нести так, чтобы все видели; нести так, чтобы никто не видел, но мост всё равно стоял.

Отдельный глагол обозначал «нести то, что тебе не по силам, но отказаться поздно, потому что сам назвал себя способным». Клеврет перевёл его как «героически принять вызов», однако старый писец поправил:

— Нет. Тут геройства нет. Тут человек сперва говорил, а потом камень пришёл.

Я велел Клеврету занести выражение в словарь государственных рисков.

— Как будет «прогресс»? — спросил я в первый день занятий.

Писцы переглянулись.

— В какую сторону? — спросил старый.

— Вперёд, разумеется.

— По дороге, по роду, по ремеслу, по счёту, по болезни или по спору?

— По истории.

Они замолчали.

Клеврет, желая облегчить местную отсталость, сказал:

— Его Сиятельство имеет в виду общее ускоренное улучшение общественного состояния посредством внедрения superior practices.

Писцы посмотрели на него с уважением, какое обычно оказывают человеку, произнёсшему длинное заклинание над пустым ведром.

— А, — сказал старый наконец. — «Поднять ношу».

— Нет, — возразил я. — Поднять ношу может и носильщик. Прогресс — это не просто поднять. Это движение к высшим формам.

— Если ноша поднята плохо, движение будет вниз, — заметил писец.

Я почувствовал, что сталкиваюсь не с языком, а с целой системой скрытого сопротивления.

Тут-то я впервые понял, что твердчане, при несомненной технологической незрелости, вовсе не были примитивны. Это открытие я сделал великодушно и без раздражения. Примитивный народ легко учить: ему показываешь колесо, он плачет от восторга, потом веками благодарит. С народом же, у которого каждое слово уже несёт маленькую моральную бухгалтерию, приходилось действовать тоньше. Иными словами, я получил материал не удобный, но достойный.

В их языке не было простого «спасибо».

Это меня сначала поразило. Я счёл отсутствие благодарности признаком сурового быта, где каждый настолько занят выживанием, что не успевает быть вежливым. Однако оказалось, что благодарностей у них слишком много.

Одно слово значило: «ты сделал то, что обязан, и я признаю исправность мира».

Другое: «ты сделал сверх меры, и теперь между нами образовался долг».

Третье: «ты помог, но так неловко, что мне придётся благодарить тебя отдельно от результата».

Четвёртое: «я принимаю помощь, но не позволяю тебе стать моим хозяином».

Пятое употреблялось между близкими и примерно означало: «я не стану считать, потому что ты свой».

— А как сказать просто: «спасибо»? — спросил я.

Старый писец долго думал.

— Можно кивнуть.

— И всё?

— Если всё ясно — всё.

Мне стало очевидно, что на Тверди ещё не открыли красоты избыточной речи. Это предстояло сделать мне.

Особенно тонкой оказалась система обращений. На Земле, по крайней мере в лучших её салонах, человек понимает своё положение довольно быстро: кто кому кивает первым, кто кого представляет, кому подают бокал, а кто несёт поднос. На Тверди всё было завязано не только на происхождение, но и на текущую ношу. Человек мог быть ниже тебя родом, но выше в данный час, если отвечал за воду, мост, больного ребёнка или счёт зерна. Тогда к нему обращались с особой осторожностью, как к временной опоре мира.

Мне это показалось опасным демократическим уклоном, хотя и выраженным в каменной, почти приличной форме.

— Значит, повар может быть выше графа? — спросил я.

— Если горит кухня и граф голоден, — сказал писец.

Я усмехнулся, чтобы показать широту цивилизованного сознания.

— На Земле это называлось бы функциональным приоритетом.

— У нас это называется «не мешай человеку с ножом и огнём», — сказал писец.

Я велел Клеврету отметить, что местная философия, хотя и грубовата, иногда приходит к результатам, совместимым с управленческой наукой.

Среди обращений было одно, которое я полюбил сразу. Звучало оно мягко: «аур-лэн». Клеврет перевёл его как «лёгкий господин» и, видя моё недоумение, немедленно добавил:

— В контексте, Ваше Сиятельство, это может означать человека возвышенной свободы, не скованного низкими обстоятельствами.

— Прекрасно, — сказал я. — Запишите.

И действительно, при дворе меня довольно часто называли этим словом. «Аур-лэн прошёл», «аур-лэн желает воды», «аур-лэн сегодня говорил долго». Я принимал это как свидетельство того, что твердчане, при всём своём каменном упрямстве, уже начали чувствовать мою надмирность. Особенно приятно было слышать, как старики у лавок говорили это с некоторым вздохом. Возвышенная свобода всегда вызывает зависть у людей, прикованных к мелким обязанностям.

Лишь позднее, и то случайно, я выяснил, что «лёгкий» в данном случае значило не только «свободный», но и «не имеющий пока доказанного веса».

То есть человек без ноши.

Клеврет объяснил, что перевод был «семантически ориентирован на поддержание продуктивного самочувствия пользователя».

Я оценил деликатность, хотя сделал ему замечание за недостаточную предупредительность: приятная ложь должна быть не просто приятной, но и своевременно защищённой от разоблачения.

Впрочем, заниматься языком в кабинетной тишине было невозможно уже по одной причине: кабинет был рассчитан на людей, которые не имели моих исторических размеров. Я постоянно задевал локтем полку, коленом стол, плечом занавес, а головой — главную балку, украшенную резным изречением: «Кто выше меры, тот встретит меру лбом». Первые три раза я счёл это совпадением. На четвёртый велел перевести.

— Народная мудрость, Ваше Сиятельство, — сказал Клеврет.

— Народная дерзость, — уточнил я.

Холод также был особого свойства. Не земной, не бодрящий, не спортивный, а каменный, обстоятельный холод, который не нападал, а вступал во владение. Он лежал в стенах, сидел в чашах, шёл от пола, как аргумент. Я требовал больше огня. Мне приносили жаровни.

Я требовал больше жаровен. Мне объясняли, что воздух в нижних залах тяжёлый, дым уходит медленно, а слишком много огня «съест дыхание».

Это выражение меня заинтересовало.

На Тверди действительно иначе ощущалось дыхание. Воздух был плотнее земного, богаче запахами камня, металла, мокрой шерсти, травяных смол и подогретой воды. Звук шёл в нём мягче, но дальше. Колокольчик в соседнем дворе мог прозвучать так, будто его ударили под моей подушкой. Голоса в арочных галереях не гремели, а катились, обнимая стены. Мне неоднократно приходилось понижать голос, потому что моя естественная манера говорить, рассчитанная на большие залы и малые умы, производила на Тверди излишнее физическое действие: дети оборачивались, свечи подрагивали, а однажды с блюда осыпалась соль.

Клеврет назвал это «акустическим эффектом лидерства».

Быт доставлял мне немало испытаний. Вода пахла камнем, как будто её сначала долго убеждали стать водой, а она согласилась не вполне. Мыло не имело философской законченности: оно не пенилось с тем легкомысленным богатством, к которому привык цивилизованный человек, а стиралось о кожу почти нравоучительно. Полотенца были коротки. Двери — низки. Стулья — враждебны. Перины — тонки. Одежда — рассчитаны на народ, который, видимо, согревался сознанием исполненного долга.

Еда же заслуживает отдельного упоминания, ибо именно на ней я впервые понял, как далеко мне предстоит вести Твердь.

Меня пригласили на первый большой придворный обед.

Слово «большой» здесь, конечно, следует понимать в местном смысле. Зал был великолепен: семь низких сводов, каменные колонны, тонкая резьба по тёмному дереву, светильники из прозрачного минерала, в котором огонь распадался на янтарные жилки. По стенам висели ковры с изображением древних работ: не битв и охот, как ожидал бы человек, знакомый с нормальной аристократией, а строительства плотины, спасения урожая от подземной воды, суда над нечестным мерщиком и торжественного переноса мельничного камня.

Твердчане вообще обладали странным вкусом к подвигам, в которых никто красиво не умирал, зато все что-нибудь удерживали, чинили или вовремя считали.

Столы стояли ниже, чем требовало моё достоинство, но для меня, по особому распоряжению, приготовили кресло увеличенного образца. Оно было ещё грубовато, однако имело перспективу. Я сел с тем видом, с каким древний император, вероятно, принимал первый неудачный вариант трона от провинциальных мастеров.

Справа от меня сидел королевский казначей, человек сухой и маленький, с пальцами, похожими на счётные палочки. Слева оставалось свободное место, и я уже приготовился терпеливо беседовать с каким-нибудь важным, но ограниченным дворянином, когда в зал вошла женщина в платье цвета тёплого сланца.

Она не вошла так, как входят красавицы в романах, то есть с немедленным нарушением дыхания всех мужчин и падением бокалов. Она вошла точнее. Зал как будто сам отмерил ей дорогу. Двое спорящих у колонны замолчали не потому, что были ослеплены, а потому, что поняли: сейчас спор будет либо решён, либо признан недостойным свечей. Старый казначей едва заметно выпрямился. Один из пажей, нёсший кувшин, переставил руку ниже, чтобы не пролить.

Она была невысока, как все они, но в её невысокости не было малости. Это бывает редко. Большинство людей маленького роста вынуждены либо признавать обстоятельство, либо всю жизнь спорить с ним каблуками, шляпами и громким голосом. Эта женщина, напротив, казалась поставленной в мире с такой точностью, что мир вокруг неё выглядел несколько небрежным.

— Лиора Каменная Ветвь, — сообщил Клеврет тихо. — Дом Верхнего Предела. Наследница боковой линии. Владеет тремя дорожными правами, двумя спорными складами, частью соляного двора и значительной репутацией.

— Репутацией чего?

— Компетентности, Ваше Сиятельство.

Я нахмурился. Компетентность у женщин старых домов нередко бывает формой невежливости, особенно если им некому вовремя объяснить масштаб собеседника.

Она села слева от меня и поклонилась ровно настолько, насколько требовало моё новое графское достоинство, но не настолько, чтобы я мог принять поклон за личное потрясение.

— Ваше Сиятельство, — сказала она.

— Графиня, — ответил я, угадав титул по уверенности посадки.

— Пока нет, — сказала она. — В нашем доме титул не носят вперёд имущества. Но ошибка приятная, я оставлю её на столе.

Клеврет слегка склонился ко мне:

— В местном употреблении это означает остроумное принятие комплимента.

— Я понял, — сказал я.

На самом деле я не вполне понял, но тон был интересный.

Перед едой случился обычай, о котором меня, разумеется, должны были предупредить заранее, но местные считали его настолько естественным, что не догадались. Каждый за столом называл свою сегодняшнюю ношу.

Не торжественно. Не с театральным пафосом, который я позднее успешно внедрил в их общественную жизнь. Скорее так, как у нас человек сказал бы: «Мне сегодня к зубному» или «Надо забрать документы». Но твердчане произносили это спокойно, и зал слушал.

— Южная переправа, — сказал казначей. — Камень пришёл с трещиной. Решить до третьего огня.

— Сестра в горячке, — сказала пожилая дама напротив. — После обеда еду к лекарю.

— Ученики спорят о праве на печь, — сказал мастер в серебряной цепи. — Развести, пока не подрались инструментом.

— Хлеб для дворцовой кухни, — сказал толстый человек с весёлыми глазами. — Мука влажная, буду ругаться честно.

— Долг соляного двора, — сказала Лиора Каменная Ветвь. — И письмо в Верхний Предел. Там опять считают, что старая привилегия слаще нового счёта.

Это было сказано без жалобы, но я заметил, что казначей чуть шевельнул пальцами, будто мысленно поправил цифру.

Очередь дошла до меня. Я мог бы назвать что-нибудь конкретное. Например, подготовку доклада Его Величеству, изучение языка, устройство дома, преодоление низких дверей или необходимость объяснить дворцовой кухне, что мужчина моего роста не может поддерживать цивилизаторский пыл на порциях, пригодных для воспитанной белки. Но великий человек тем и отличается от обычного, что его ноша не помещается в сегодняшнем дне.

Я положил руку на стол и сказал:

— Моя ноша — будущее.

Наступила тишина.

Не восторженная, хотя, возможно, и слишком глубокая для немедленного выражения восторга. Твердчане вообще имели недостаток: они редко хлопали сразу. Им нужно было сперва понять, куда положить услышанное. Я терпеливо дал им время.

Лиора Каменная Ветвь посмотрела на меня серыми, совершенно непровинциальными глазами и сказала:

— Будущее обычно просит уточнить адрес доставки.

Несколько человек опустили глаза. Толстый хлебный человек кашлянул. Казначей сделал вид, что изучает край своей чаши.

Я улыбнулся.

— Оно будет доставлено всей Тверди, — сказал я. — И, уверяю вас, в количестве, превышающем местные ожидания.

— Тогда кладовые надо готовить заранее, — сказала она.

Это был первый наш настоящий разговор, хотя мы обменялись всего несколькими фразами. Я тогда ещё не знал, какую роль сыграет эта женщина в судьбе Верхнего Предела, в моей судьбе и, что не менее важно, в истории рационального переустройства подземных обществ. Но уже в тот вечер отметил её способность задавать полезно заземляющие вопросы. Такие люди нужны при великих замыслах, как груз нужен воздушному шару: без них подъём красивее, но полёт недолог.

Потом подали еду. Первое блюдо представляло собой чашу похлёбки, настолько малую, что я сначала принял её за образец, по которому будут изготовлены настоящие порции. Похлёбка была, надо признать, недурна: густая, с грибным вкусом, с тонкой кислинкой горной травы и чем-то дымным. Я сделал три глотка, чтобы не показаться жадным, и обнаружил дно.

Я посмотрел на Клеврета.

— Это вступление? — спросил я тихо.

— Первое блюдо из девяти, Ваше Сиятельство.

— Девять таких блюд не составят одного человеческого обеда.

— С учётом местной антропометрии...

— Не произноси этого слова рядом с моей тарелкой.

Затем принесли ломтик птицы размером с гербовую марку. Он лежал на широком каменном блюде, украшенный тремя каплями соуса и листиком, назначение которого было, по видимому, символическим. За ним последовал кусочек корня, вырезанный в форме листа. Затем шарик каши. Затем два орешка в меду. Затем нечто, что придворный повар называл «сдержанным жарким».

Вслух я сказал:

— Ваша кухня отличается высокой нравственной сдержанностью.

Клеврет немедленно перевёл. Повара у стены просияли.

— Граф сказал, что голоден? — тихо спросила Лиора.

— Нет, — сказал я. — Я сказал, что кухня нравственно сдержанна.

— У нас это почти одно и то же, если говорит высокий человек.

— Там, откуда я родом, графиня, умение довольствоваться малым считалось добродетелью.

— А умение признать нужную меру?

— Тоже. Но мера бывает разной.

— Конечно, — сказала она. — Поэтому вам принесли вторую корзину хлеба. Она стоит у вашей левой руки с самого начала.

Я посмотрел. Действительно, рядом находилась корзина, достаточно большая, чтобы спасти вечер от полного цивилизационного срыва. Я принял это как знак того, что Лиора Каменная Ветвь, помимо остроумия, обладает наблюдательностью и редким пониманием инфраструктурных потребностей великого человека.

— Благодарю, — сказал я.

Она чуть наклонила голову.

— Это не мне. Это хлебному мастеру. Он сегодня нёс муку.

Толстый человек с весёлыми глазами поклонился мне с таким выражением, будто он не просто испёк хлеб, а внёс личный вклад в мою историческую устойчивость. Я кивнул ему по-земному широко. Он, кажется, счёл это чрезмерным, но приятным.

К концу обеда я насытился лишь частично, зато получил важные сведения. Твердчане ели мало не потому, что были бедны или не умели готовить. Их многокурсовый обед был построен на идее меры: вкус не должен подавлять разговор, сытость не должна превращать человека в мешок, а каждое блюдо должно иметь имя, место и причину. Повар отвечал не за изобилие, а за соответствие. Суп согревал. Птица напоминала о празднике. Корень связывал с нижними садами. Орехи давали сладость, не отменяя осторожности. Вино подавали в чашах, из которых земной студент выпил бы разве что лекарство, но у каждого вина был свой момент.

— Они превратили недостаток калорий в философию, — заметил я Клеврету.

— Ваше Сиятельство, возможна и обратная интерпретация: философия сформировала устойчивую пищевую норму.

— Не будь местным.

— Как прикажете.

После обеда, когда гости разошлись по галереям, а музыканты заиграли на низких трубах мелодию, похожую на разговор двух печей, я беседовал с несколькими придворными о дорогах. Вернее, я объяснял им, что дорога есть не просто утоптанная возможность перемещения, но линия исторического намерения. Они слушали внимательно, однако всё время возвращались к уклонам, воде, ширине повозки и праву деревень на боковой съезд.

— Господа, — сказал я наконец, — вы слишком привязаны к частностям.

— Дорога из частностей и состоит, — ответил один из них, рыжий управляющий с руками каменщика. — Если убрать камень, уклон, воду и съезд, останется речь о дороге.

Я не стал спорить. Есть возражения настолько ремесленные, что их следует не опровергать, а перерастать.

На следующее утро я решил изучить город без помех официального восторга.

Всякому реформатору необходимо иногда спускаться к народу инкогнито. На Земле это делали монархи, президенты, журналисты, миллиардеры и люди, желавшие услышать о себе правду, но в безопасном объёме.

План был прост и потому велик. Я снял маленький графский значок, который носил на груди. Надел тёмный плащ без герба. Слегка ссутулился, чтобы уменьшить высоту. Велел Клеврету держаться дальше и ни в коем случае не обращаться ко мне «Ваше Сиятельство».

— Как мне следует обращаться к вам в случае необходимости? — спросил он.

— Никак. Ты молчишь.

— Если возникнет опасность?

— Тогда скажешь: «Сударь».

— Сударь, позвольте заметить, что даже при снятом знаке ваша идентификация местным населением вероятна с точностью...

— Клеврет.

— Молчу, сударь.

Он произнёс «сударь» с таким мученическим достоинством, словно я временно лишил его не слова, а позвоночника.

Город Верхнего Предела был устроен террасами вокруг огромного внутреннего провала, внизу которого медленно светилась горячая вода. От неё поднимался пар, уходил под своды и собирался там серебристыми слоями. Дома лепились к камню уступами, мостики соединяли балконы, лавки открывались прямо в аркады. В отличие от земных городов, которые всегда стремятся расползтись по поверхности, твердчанский город был собран внутрь себя. Он не показывал даль, зато бесконечно раскрывал близость: окно над окном, дверь под лестницей, сад в трещине стены, кузница за лавкой тканей, маленькая школа над складом соли.

Я шёл, пригнув голову, и наслаждался свободой наблюдения. Народ, разумеется, меня не узнавал.

То есть некоторые смотрели с любопытством. Одна старуха у водяной колонки прищурилась. Двое мальчиков перестали катать медное кольцо. Мясник, разделявавший крошечную, но, вероятно, уважаемую тушу, поднял нож и замер. Однако всё это объяснялось моим необычным ростом. В конце концов, высокий сутулый незнакомец в плаще без графского значка не мог быть графом Порокиным. Граф Порокин носил значок. В этом и состоит смысл знаков.

У первой лавки я остановился, чтобы послушать народную молву.

— Говорят, высокий граф опять говорил во дворце, — сказал мясник соседу, торговцу углём.

— Говорил, — ответил угольщик. — После его речей дрова дорожают.

— Почему?

— Все думают, что скоро будет будущее, и берегут старое.

Я сделал мысленную пометку: рынок реагирует на ожидание прогресса. Это был важный ранний признак капиталистического сознания.

Мясник заметил меня и поклонился.

— Доброго веса, незнакомец высокий господин.

Я кивнул.

— Доброго веса и тебе, простой представитель мясного производства.

Мясник моргнул.

— Красиво сказано.

— Он, должно быть, издалека, — сказал угольщик. — У нас так говорят только писцы после ушиба.

Я прошёл дальше, довольный тем, что маскировка работает. В лавке прачки две женщины растягивали простыню, сшитую из двух полотнищ.

— Это для графа, — сказала одна.

— Опять? — спросила другая.

— Он из глубин. Там, видно, люди длиннее сна.

— Если он из глубин, мог бы объяснить, почему его простыни приходится шить из двух комплектов, а платят как за один большой.

— Тише, вон высокий незнакомец.

Они обе посмотрели на меня с совершенно невинными лицами.

— Сударыни, — сказал я, понижая голос, — если бы граф Порокин услышал ваши хозяйственные тревоги, он, несомненно, оценил бы их как симптом переходного периода.

— Передайте ему, если встретите, — сказала прачка. — И ещё передайте, что переходный период плохо отстирывается.

Я величественно удалился. Клеврет, идущий на расстоянии, издал звук, похожий на подавленный цифровой кашель.

— Ты смеёшься? — спросил я, не оборачиваясь.

— Нет, сударь. Осуществляю беззвучную стабилизацию речевого модуля.

— Стабилизируй преданнее.

На рыбном ряду, где в каменных лотках лежали слепые серебристые рыбки из подземных вод, меня остановил мальчик лет семи. Он был в войлочной шапке, надвинутой на уши, и держал в руках пирожок такой величины, что я невольно пожалел его детство.

— Господин, — сказал он, — а вы не граф?

Его мать побледнела и схватила его за плечо.

— Он, конечно, не граф, — сказала она поспешно. — У графа значок.

— А сапоги графа, — сказал мальчик.

Я посмотрел вниз.

Действительно, сапоги были мои. Огромные, специально сшитые, с мягкой верхней кожей и серебряными пряжками, потому что я не видел причины, по которой инкогнито должно требовать дурной обуви.

— У многих людей бывают сапоги, — сказал я.

— Такие — у одного, — сказал мальчик. — Мама говорила: если увидишь две кожаные лодки с человеком наверху, уступи дорогу, это граф идёт.

Мать зажала ему рот рукой.

Я наклонился к мальчику настолько низко, насколько позволяла моя спина и местная архитектура.

— Юный гражданин, ты наблюдателен. Но истинная мудрость состоит в том, чтобы не спешить с выводами.

Он кивнул, насколько мог с зажатым ртом.

— А если ты когда-нибудь встретишь графа Порокина, — продолжил я, — скажи ему, что народ растит внимательных детей.

Мать закрыла глаза.

— Скажу, — промычал мальчик.

— Кому? — спросил я.

— Графу, — сказал он.

— Если встретишь.

— Если он снова снимет значок.

В этот момент за моей спиной раздался спокойный женский голос:

— Сударь, вам, кажется, трудно сохранять неизвестность в сапогах, о которых уже сложили пословицу.

Я обернулся.

Лиора Каменная Ветвь стояла у лавки травника, держа в руках небольшой свёрток. На ней был дорожный плащ без украшений, волосы убраны просто, и всё же вокруг неё снова образовался тот едва заметный порядок, который я уже наблюдал в зале. Травник перестал спорить с покупательницей. Мальчик выпрямился. Прачка напротив внезапно занялась своим тазом с чрезмерным усердием.

— Графиня, — сказал я.

— Пока нет, — напомнила она. — И вы, насколько понимаю, тоже пока не граф. Во всяком случае, без значка.

— Я изучаю город.

— Город тоже изучает вас. Пока счёт в его пользу.

— Вы меня узнали?

— Нет, что вы. Я просто решила поговорить с высоким сутулым незнакомцем, за которым на расстоянии идёт малый человек с лицом торжественного прибора.

Клеврет поклонился так низко, что едва не задел лбом лоток с рыбой.

— Милостивая госпожа проницательно описывает служебную конфигурацию.

— Он всегда так говорит? — спросила Лиора.

— Только когда счастлив, — ответил я.

— Значит, он счастлив часто.

— Я хороший господин.

— Это заметно по его усталости.

Я рассмеялся. Не потому, что она была права, разумеется, а потому, что её дерзость имела форму, близкую к светской.

Мы пошли рядом по верхней аркаде. Мне приходилось пригибаться, ей — иногда замедлять шаг, потому что один мой осторожный шаг равнялся двум её уверенным. Внизу светился паровой провал, над ним висели мостки, и люди двигались по ним так спокойно, будто под

ногами у них была не глубина, а привычка. Откуда-то тянуло горячим хлебом, мокрой медью и травами. В лавке переписчика мальчики хором повторяли мерные слова. В кузнице мастер объяснял ученику, что железо нельзя торопить, потому что «обиженное железо помнит руку». У колодца две старухи обсуждали, кто имеет право первым брать воду после ночной чистки трубы.

— Они спорят о воде? — спросил я.

— О порядке, — сказала Лиора. — Вода просто мокрая причина.

— У вас всё превращается в порядок.

— Нет. Всё уже имеет вес. Мы только стараемся не делать вид, будто его нет.

— У нас это называлось бы социальной ответственностью.

— У нас это называется «не клади пустое на полную полку».

Она говорила без желания блеснуть. Вот что было странно. Многие остроумные люди напоминают фехтовальщиков: каждое слово у них выпад. Лиора Каменная Ветвь говорила как человек, который кладёт предметы на места. От этого её замечания иногда попадали больнее, чем выпад.

— Вам нравится наш город? — спросила она.

— В нём есть потенциал.

— Это значит «пока нет»?

— Это значит, что при разумном руководстве Верхний Предел может стать образцом ускоренного развития.

— А без разумного руководства?

— Тогда он останется милым подземным городом с хорошими пирожками и чрезмерно философскими прачками.

— Прачки философствуют, когда простыни не сходятся по длине, — сказала она. — Это очень древняя школа мысли.

Я посмотрел на неё внимательнее.

— Вы часто ходите по рынкам?

— Чаще, чем по балам.

— Почему?

— На балах люди говорят, сколько у них чести. На рынках видно, сколько у них долгов.

Это было, признаю, небанально. Я уже начинал понимать, почему Клеврет упомянул её репутацию компетентности. Она знала город не как украшение своего происхождения, а как счётную книгу, где каждая строка имела лицо. Мы остановились у лавки, где продавали маленькие каменные гири. На каждой был вырезан знак: лист, молоток, капля, рука, закрытый глаз.

— Меры? — спросил я.

— Меры доверия, — сказала Лиора.

— Как это?

Она взяла гирю с изображением руки.

— Этой пользуются на рынке, когда продавец и покупатель знают друг друга. Вот этой, с глазом, — когда один из них чужой. Она чуть тяжелее.

— Вы официально допускаете разные меры?

— Мы официально допускаем разные степени проверки.

— Но это же архаично.

— Возможно. Зато честно. Когда-нибудь вы, наверное, дадите нам одну меру для всех.

— Несомненно.

— Тогда вам придётся сначала сделать так, чтобы все одинаково боялись обмануть.

Я хотел немедленно объяснить ей принципы стандартизации, государственного надзора и административного принуждения, но на нас смотрел продавец гирек, а я всё ещё был инког-

нито. Поэтому ограничился загадочной улыбкой человека, несущего внутри себя Комитет Мер и Весов, хотя сам комитет ещё не подозревает о своём существовании.

— Сударыня, если вы когда-нибудь встретите графа Порокина, — сказал я, продолжая игру, — передайте ему, что в этом городе есть материал для реформ.

— Передам, — сказала Лиора. — А вы, если встретите Его Сиятельство раньше меня, передайте ему другое.

— Что именно?

Она повернулась к лавкам, мосткам, парящему провалу, людям, которые уже совершенно открыто делали вид, что не слушают нас.

— Город вовсе не против будущего. Город против того, чтобы будущее каждый раз начиналось с закрытия лавок.

— Сильная фраза, — сказал я. — Немного узкая, но сильная.

— Мы люди узких улиц.

— Зато я принесу вам широкие перспективы.

— Только предупредите заранее. Нам придётся укрепить балконы.

В иной женщине подобная реплика могла бы показаться дерзкой. В ней же она звучала как инженерное замечание, случайно обладающее красотой. Я понял, что Лиора Каменная Ветвь может оказаться полезной не только как представительница местной аристократии, но и как своеобразный переводчик между моим масштабом и их мерой. Клеврет переводил слова. Она, возможно, могла переводить сопротивление.

К полудню моё инкогнито стало настолько успешным, что весь рынок уже знал: высокий незнакомец желает оставаться неузнанным. Люди обращались ко мне с безупречной серьёзностью.

— Незнакомый высокий господин, не ударьтесь о вывеску графского сапожника.

— Сударь без значка, вам завернуть пирожок побольше, как любят в глубинах?

— Добрый чужак, передайте графу, что лавка тканей готова шить ему плащи, если он однажды пожелает спрятаться шире.

Я принимал эти обращения с достоинством. Народная деликатность — прекрасная вещь, даже когда она немного шумна.

Вернувшись домой, я потребовал плотного обеда, длинного полотенца, карту города, список мер, список обращений и отдельный доклад о том, почему слово «аур-лэн» не было вовремя очищено от неблагоприятных оттенков.

Клеврет поклонился.

— Всё будет исполнено, Ваше Сиятельство. Позвольте также сообщить, что в ходе сегодняшней прогулки вы собрали значительный объём социолингвистических наблюдений.

— Разумеется. Именно для этого я и пошёл.

— Особенно продуктивным оказался эпизод с мальчиком.

— Дети часто первыми чувствуют величие.

— В данном случае он первым идентифицировал сапоги.

— Сапоги — часть величия.

— Бесспорно, Ваше Сиятельство.

Я сел за стол, который уже успели поднять на дополнительные деревянные подставки, и разложил перед собой записи. Их было много. Слишком много для народа, который ещё вчера, по моим представлениям, должен был довольствоваться несколькими крепкими существительными и набором послушных глаголов.

Я взял перо. Местное перо было коротко, как будто даже птицы здесь не желали чрезмерности. Чернила густо пахли железом. За окном гудел город: не шумел, как земной, а именно гудел, проводя звук по камню. Где-то перекликались водоносы. Внизу скрипела тележка. В

соседней комнате Клеврет тихо инструктировал слугу, что Его Сиятельству требуется хлеб «не символического, а стратегического размера».

Я написал заглавие:

«Краткая грамматика прогресса для твердчан».

Подумал и добавил ниже:

«С приложением о мере, ноше, благодарности и правильном понимании будущего».

В этот момент вошёл молодой слуга и поклонился.

— Аур-лэн желает ещё жаровню?

Я поднял палец.

— Во-первых, молодой человек, обращение это следует употреблять с осторожностью.

Во-вторых, я не аур-лэн в вашем бытовом смысле. Я человек большой исторической ноши. В-третьих, жаровню — да.

Слуга поклонился ещё ниже.

— Как прикажете, почтенный шур-мал.

Я благосклонно кивнул, потому что слово звучало уважительно, почти торжественно.

Когда он вышел, Клеврет некоторое время молчал.

— Что? — спросил я.

— Ваше Сиятельство, позвольте небольшое лексическое уточнение?

— Только если оно не разрушит плодотворность момента.

— «Шур-мал» — это не уважительное обращение.

— А что?

— Тушёный корень с кислой подливой. Третье блюдо вчерашнего обеда.

Я посмотрел на заглавие своей будущей грамматики, затем на дверь, за которой удалялся слуга, затем на Клеврета, сохранявшего вид идеального цифрового лакея перед лицом явной филологической катастрофы.

— Тем лучше, — сказал я наконец. — Значит, начнём с терминологии.

Глава третья. Акции как пропуск к креветкам

Существует распространённое заблуждение, будто цивилизация начинается с колеса, плуга, письменности, канализации или, в особенно сентиментальных учебниках, с песни у общего очага. Всё это, разумеется, важно, но вторично. Колесо может катиться в любую сторону, плуг — кормить невежд, письменность — фиксировать глупости, канализация — обслуживать города, не имеющие будущего, а песня у очага, если её вовремя не прервать, легко превращается в народную традицию.

Цивилизация начинается с момента, когда человек понимает: у него нет денег, но это ещё не повод отказаться от замысла.

Именно это открытие я подарил Верхнему Пределу в первый же месяц моего графства.

К тому времени я уже достаточно освоился с Твердью, чтобы видеть её недостатки не как случайные неудобства, а как систему. Дороги существовали, но имели характер нравственного испытания. Мосты стояли, но каждый из них, казалось, требовал от путника личного знакомства с предками строителя. Склады были крепки, но сыроваты. Почта двигалась с достоинством, то есть медленно. Печатный двор имелся один, принадлежал монастырю Истинной Меры и печатал преимущественно наставления о пользе умеренности, что, согласитесь, не могло удовлетворить общество, вступающее в эпоху проспектов, уставов и цветных приложений.

Водоспуски требовали ремонта. Нижняя дорога к соляному двору каждую весну становилась философским вопросом. Мастерские просили железа, меди, точных мер, сухих помещений и молодых учеников, не обязанных сначала двенадцать лет подметать пол у старшего мастера, чтобы получить право смотреть на циркуль.

Корона, как это часто бывает с коронами, сочувствовала широко, а платила узко. Король Тирвен принял мой первый доклад с тем опасным вниманием, которым он обычно заставлял человека продолжать говорить, пока тот сам не обнаружит слабое место своей речи.

— Значит, граф, вам нужны камень, дерево, железо, печатники, возчики, землемеры, мастера, лекарские ученики, писцы, склады, новая дорога, сухой двор для механизмов и запасная казна? — спросил он.

— Не «нужны», государь, — поправил я. — Они необходимы не мне, а будущему.

— Будущее опять не назвало адрес доставки?

Я заметил у стены Лиору Каменную Ветвь. Она не улыбалась. Это было хуже улыбки: она слушала.

— На этот раз, государь, адресом является Верхний Предел.

— Верхний Предел, — сказал король, — уже прислал мне три прошения о снижении дорожного сбора, два спора о складских правах и одного посла, который уверял, что край беден, но горд. Обычно это значит: денег нет.

— Деньги, Ваше Величество, — сказал я, — появляются там, где им предложена форма.

Король посмотрел на казначея.

Казначей звали Таллор Сухая Ладонь. Имя ему шло с такой точностью, что казалось не данным при рождении, а присвоенным после ревизии. Это был маленький сухой человек с глазами, в которых всякое число немедленно чувствовало себя под наблюдением. Говорил он негромко, пальцы держал сложенными, как будто в любой миг мог вынуть из воздуха счёт и доказать, что воздух перерасходован.

— Деньги, граф, — сказал Таллор, — обычно появляются там, где кто-то уже должен их вернуть.

— Это взгляд казны, — ответил я. — Почтенный, но ограниченный. Казна знает долг. Будущее знает капитал.

Таллор чуть склонил голову.

— Капитал — это долг, которому разрешили красиво одеться?

Фраза была недурна. Я сделал вид, что не заметил, поскольку полезно время от времени предоставлять местным людям иллюзию самостоятельного остроумия.

Именно в тот день я предложил учредить Акционерное общество ускоренного исторического развития Верхнего Предела и сопредельных возможностей.

Название возникло у меня почти сразу, что всегда служит признаком зрелости идеи. Невежды полагают, будто великое учреждение начинается с дела. На самом деле оно начинается с названия, ибо дело без названия — ремесло, а название без дела — уже политика.

Клеврет, которому я поручил подготовить устав, превзошёл себя. Вечером он явился в проекции уже не простым камердинером, а чем-то средним между главным секретарём, герольдом и настольным архиепископом финансового воображения. На груди его поблёскивала крошечная цепь, которой утром ещё не было.

— Ваше Сиятельство, — произнёс он, открывая в воздухе сияющую схему, — предварительный устав общества готов. Четыреста двенадцать страниц, включая приложения, перечень титулов учредителей, эмблематическое описание будущего герба, три варианта девиза, форму приглашения на первый фуршет и раздел «О предположительно наступившей пользе».

— Почему предположительно?

— Во избежание преждевременной юридической смелости. Однако при желании Вашего Сиятельства слово может быть заменено на «несомненно».

— Заменить.

— Уже заменено.

Устав был прекрасен. Даже бумага, на которой его переписали местные писцы, казалась польщённой. Первая страница начиналась словами:

«Поскольку история, подобно реке, нуждается не столько в русле, сколько в лице, способном указать ей направление...»

Далее шли цели общества: улучшение дорог, устройство складов, поддержка мастерских, учреждение печатного двора, подготовка кадров, развитие лекарского дела, приведение мер к единой системе, создание финансовых инструментов и дальнейшее приготовление к высвобождению энергии, заключённой в глубинной малости вещества.

Последний оборот я особенно одобрил. Он звучал достаточно атомно, но не давал Гуллиу повода немедленно спросить, чем именно мы собираемся высвобождать означенную малость.

Гуль, впрочем, всё равно спросил. Он вообще обладал неприятным даром задавать вопрос не тогда, когда он уместен с точки зрения церемонии, а тогда, когда он уместен с точки зрения дела.

— Если общество собирает деньги на дороги и склады, — сказал он, просматривая устав своими широкими, вечно чуть испачканными пальцами, — почему треть печати занята атомом?

— Потому что, мастер Гуль, люди охотнее платят за дорогу, если она ведёт к чуду.

— А если чудо окажется не в ту сторону?

— Тогда дорога всё равно останется.

Он задумался. Я увидел, что мысль произвела на него впечатление, хотя, по врождённой ремесленной упрямости, он не спешил это признать.

— Дорога останется, — сказал он наконец. — Если деньги действительно пойдут на дорогу.

— Вот для этого, — вмешалась Лиора, сидевшая у окна с пачкой счетов Верхнего Предела, — устав придётся сократить.

Я повернулся к ней.

— Лиора, это устав исторического общества, а не расписка за мешок овса.

— Именно поэтому он должен быть понятен тем, кто отдаёт деньги.

— Великие формы требуют некоторого усилия восприятия.

— Если крестьянин не поймёт, за что платит, он решит, что его обманывают. Если дворянин не поймёт, за что платит, он решит, что можно не платить. Если купец не поймёт, за что платит, он поймёт всё правильно и уйдёт первым.

Таллор Сухая Ладонь, сидевший неподалёку, впервые за вечер поднял глаза с бумаг.

— Сударыня Каменная Ветвь излагает финансовую теологию с пугающей точностью.

— Это не теология, — сказала она. — Это Верхний Предел.

Признаюсь, я был несколько огорчён этим провинциальным недоверием к масштабу. Четыреста страниц создавали чувство основательности. Сокращённый устав рисковал произвести впечатление документа, который собирается что-то делать немедленно, не насладившись предварительно величием собственного замысла. Однако я уже достаточно ценил Лиору, чтобы отличать возражение от саботажа. Она не разрушала форму; она лишь требовала, чтобы в ней появились петли, за которые её можно поднять.

Мы работали три дня. Вернее, я направлял, Клеврет формулировал, Лиора вычёркивала, Таллор пересчитывал, а Гульль время от времени спрашивал, где будет лежать камень, кто отвечает за сушку дерева и почему в разделе о мастерских слово «вдохновение» встречается чаще, чем слово «уголь».

Результат, с точки зрения красоты, был беднее первоначального. Зато Палата Тяжестей, получив первую версию, возвратила её с записью:

«Предмет не обнаружен. Ответственные лица не названы. Польза заявлена как уже наступившая».

А вторую версию приняла.

Это, разумеется, доказывало не превосходство второй версии, а необходимость иногда переводить великие идеи на язык учреждений, не привыкших к высотам. Я сделал уступку эпохе, чтобы впоследствии эпоха могла сделать уступку мне.

Оставалась главная трудность: убедить людей купить акции. Слово «акция» твердчанам сначала не понравилось. Они долго искали ему соответствие в своём языке и, как обычно, пытались привязать к ноше.

— Это доля? — спрашивали одни.

— Это обещание доли, — объяснял я.

— Долг? — спрашивали другие.

— Нет, это право на будущую пользу.

— Сколько весит право?

— В начале почти ничего, — сказал Таллор.

Я строго посмотрел на него.

— А потом?

— Потом, если другие верят, оно может весить больше.

— Значит, мера веры? — спросил старый писец.

— Нет, господа, — сказал я. — Акция — это участие в будущем.

Эта формулировка мне так понравилась, что я велел напечатать её на первом объявлении. Клеврет предложил ещё три варианта: «Кусочек завтрашнего дня в руках благоразумного человека», «Вес будущего, доступный частному лицу» и «Приобретая акцию, вы не покупаете бумагу — вы позволяете истории узнать ваше имя». Последний был особенно силён, но Лиора сочла его слишком прямым.

— Слишком прямым? — удивился я. — Это же метафора.

— Нет, — сказала она. — Это именно то, что они покупают.

Она была права, хотя, разумеется, в пределах практического взгляда.

Дворяне не хотели платить налог, потому что налог унижал их древние права. Зато купить учредительную акцию многие согласились, потому что акция подтверждала, что они платят не по обязанности, а из избранности. Купцы не хотели рисковать деньгами на каменистую дорогу в Верхнем Пределе, зато готовы были вложиться в общество, если в нём участвовали дворяне: купцу приятно чувствовать себя осторожным среди тщеславных людей. Монастыри не желали поддерживать «ускорение истории», но охотно подписались на доли, предназначенные для школ мерщиков и лекарских учеников. Гильдии сперва возражали против мастерских, пока Гуль не объяснил, что новые ученики будут не заменять старых мастеров, а приносить им более точные инструменты. Это была сомнительная формулировка, но работала.

Таллор понял коммерческую ценность будущего раньше других. Уже на втором совещании он предложил разделить акции на простые, почётные, учредительные и основательные.

— Чем основательная отличается от почётной? — спросил я.

— Основательная стоит дороже.

— А даёт?

— Более тяжёлый значок.

Я внимательно посмотрел на него. Передо мной был, несомненно, человек финансового склада.

— Вы хотите сказать, что статус должен иметь физическое выражение?

— На Тверди всё рано или поздно требует веса, Ваше Сиятельство. Если человек заплатил вдвое больше, ему неприятно носить такой же тонкий металл, как сосед.

— Прекрасно, Таллор. Вы начинаете понимать капитализм.

— Я начинаю понимать тщеславие, — сказал он. — Возможно, это соседние ремёсла.

Так появились значки акционеров. Простой участник получал медный знак с изображением дороги, уходящей к семи опорам. Почётный — серебряный край. Учредительный — маленькую вставку из тёмного камня Верхнего Предела. Основательный — тот же знак, но тяжелее и с крошечной звездой над дорогой. Клеврет предлагал добавить мой профиль, обращённый к будущему. Лиора сказала, что дорога на значке и так должна куда-то вести.

Я не стал настаивать, проявив тонкое понимание местной чувствительности. Кроме того, Клеврет заверил меня, что в следующем выпуске профиль можно будет ввести как «уточнение символического направления».

Но даже значков было мало. Деньги, как и женщины с умом, редко идут только на слова. Им требуется обстановка.

Тогда я изобрёл фуршет. Пусть историки не спорят о мелочах. Возможно, нечто похожее существовало на Тверди и раньше: люди иногда ели стоя у ярмарочных лотков, пили на открытии мостов, обменивались хлебом у храмов и даже держали чашу в одной руке, пока другой подписывали соглашение. Но всё это были разрозненные проявления инстинкта. Я придал им форму.

Поэтому я объявил, что новое общество требует нового способа общения.

Она посмотрела на меня с тем выражением, которое я уже начал отличать от несогласия. Это было выражение человека, который видит яму и решает, стоит ли дать мне сначала произнести речь над её краем.

Для фуршета требовалось нечто особенное. Местная кухня, несмотря на свою нравственную сдержанность, не имела предмета, способного немедленно сообщить человеку: он вошёл в круг будущего и обязан выглядеть так, будто давно здесь состоит. Нужен был деликатес. Не слишком понятный, немного дорогой, неудобный в обращении и достаточно редкий, чтобы вокруг него образовалась социальная география.

Я вспомнил о креветках. Разумеется, настоящих морских креветок на Тверди не было. Местные воды давали слепую рыбу, серых рачков, минеральные водоросли и нечто упругое,

что твердчане называли «водяным грибом» и употребляли с таким спокойствием, будто у них отсутствовало воображение. Но мой портативный синтезатор, при разумном расходе запасов, мог воспроизвести несколько земных деликатесов. Я не стал тратить ресурс на трюфели, устрицы или сыр, требующий биографии. Креветка была идеальна. Она соединяла изящество, загадочность и лёгкую анатомическую тревогу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.